

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ»

ДЕНИС ЛЕТНЯКОВ

Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Резюме

Историческая память обычно изучается в контексте внутривнутриполитических процессов – её роль на международной арене зачастую недооценивается. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть этот феномен через концепцию «мягкой силы» на примере постсоветской Центральной Азии. Автор показывает, что такие игроки, как Турция, Иран, Индия, Китай и Россия, продвигают в регионе свои интересы, используя политику памяти в качестве одного из инструментов внешней политики. Каждый из названных игроков предлагает государствам региона транснациональный исторический нарратив («тюркский мир», «наследие Великого шёлкового пути», общая победа над нацизмом). В статье последовательно разбираются как преимущества «мнемонической мягкой силы» перечисленных субъектов, так и сложности, с которыми каждый из них сталкивается в ходе формирования транснациональных рамок памяти. Наибольшего прогресса добилась Турция, чей проект тюркского единства уже реализуется в виде конкретных мер по написанию совместных учебников истории, регулярному проведению научных форумов, а также культурных мероприятий. Меньше всего ресурсов «мягкой силы» в Центральной Азии имеется в распоряжении Китая. Отдельное внимание уделяется потенциалу российской «мнемонической мягкой силы». Автор приходит к выводу, что Москве сложнее, чем конкурентам, двигаться вместе с центральноазиатскими государствами к общей памяти о событиях времён имперской и советской истории. В то же время у российской стороны есть возможность выстраивать совместную память о Второй мировой войне, которая до сих пор вызывает значительный эмоциональный отклик в центральноазиатских обществах. По мере смены поколений в Центральной Азии и это конкурентное преимущество может быть нивелировано.

Ключевые слова:

«мягкая сила»; историческая память; политика памяти; транснациональная память; Центральная Азия; Турция; Иран; Индия; Китай; Россия

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2024

Дата принятия к публикации: 06.12.2024

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: letnyakov@mail.ru

Тему «мягкой силы», или в другой терминологии «гуманитарного влияния»¹, едва ли можно назвать плохо разработанной. Начиная с пионерской работы Джозефа Ная [Nye 1990] в зарубежной, а со второй половины 2000-х годов и в российской литературе, нет недостатка в статьях и книгах, посвящённых этой тематике [Най 2006; Hard Power, Soft Power... 2006; Watanabe, McConnell 2008; Soft Power and US Foreign Policy... 2010; Давыдов 2007; Казанцев, Меркушев 2008; Лебедева 2017]. Одновременно множатся международные рейтинги «мягкой силы», например *Global Soft Power Index* и *Nation Brands Index*. Внимание исследователей сосредоточено на таких составляющих, как язык [Алпатов 2020], наука и образование [Ланьшина 2014], культура [Otmazgin 2012], привлекательная политическая модель [Nye 2011], бренд государства [Анхольт, Хильдрет 2010], туризм [Ozkan, Boylu 2021], кино [Hong 2021] и даже представители местной фауны [Simons 2017].

Историческая память не так часто обсуждается в этом контексте, как она того заслуживает. Государственные деятели используют отсылки к истории для оправдания своих действий на международной арене, обоснования сотрудничества с другими странами, формирования вместе с ними общей идентичности или повышения собственной привлекательности в глазах той части зарубежной аудитории, которой адресуются такого рода послания. Иначе говоря, историческая память может выступать в качестве одного из тех «неосязаемых властных ресурсов», помогающих добиваться

результата, о которых писал Дж. Най. Осознание этого факта стало стимулом к введению в научный оборот понятий «мнемоническая мягкая сила» [Ohnesorge, Owen 2023] и «мнемоническая дипломатия» [Пономарёва 2023], а сам по себе интерес исследователей к роли памяти в международных отношениях [Bachleitner 2021; Klymenko, Siddi 2020] может рассматриваться в русле нарративного поворота во внешней политике [Roberts 2006]². Протагонисты последнего обращают внимание на то, что в XXI веке реализация внешнеполитических целей государств во многом зависит от их способности продвигать в публичном пространстве ту или иную форму интерпретации реальности. В соперничестве международных субъектов всё в конечном счете сводится к вопросу: «Чья история одерживает верх?» [Ohnesorge, Owen 2023: 288]. Одним из ключевых элементов дискурсивного пространства мировой политики остаются исторические нарративы [Кривохиж, Соболева 2023].

Данная статья призвана продолжить вектор, заданный исследованиями мнемонических аспектов «мягкой силы». Предметом нашего рассмотрения станет постсоветская Центральная Азия. Такой выбор обусловлен двумя соображениями. *Во-первых*, этот регион вместе с другими частями постсоветского пространства традиционно рассматривается как один из главных приоритетов российской внешней политики. *Во-вторых*, в данном регионе — как будет продемонстрировано в работе — конкуренция внешних игроков друг с другом происходит в том числе через активное

¹ В данном случае автор пренебрегает возможными различиями между этими понятиями, на котором настаивают некоторые исследователи (см., например: [Сутырин 2020]), поскольку оба термина так или иначе обозначают совокупность как возможных ресурсов, так и конкретных инструментов *увеличения привлекательности* государства на международной арене. Соответственно, в нашей статье понятия «мягкая сила» и «гуманитарное влияние» будут использоваться как синонимы.

² Вопросы формирования образа конкретной страны или народа в культуре, коллективной памяти других обществ активно разрабатывались ещё с 1950-х годов в рамках такого направления гуманитарных исследований, как имагология [Imagology ... 2007; Бахарева 2022]. Вместе с тем образ Другого, стереотипы о нём, ставшие предметом изучения этой науки, не обязательно оказываются результатом сознательной работы политических, интеллектуальных элит и не всегда носят инструментальный характер. В нашем случае речь идёт об использовании этих образов во внешнеполитических целях. В то же время было бы большой натяжкой объединять вместе имагологические работы и исследования памяти как ресурса «мягкой силы».

использование нарративов об общей истории или культурном наследии с центрально-азиатскими странами. Такую стратегию мы будем называть формированием *транснациональных рамок памяти*, поскольку речь идёт о попытках выстроить коллективную память поверх границ наций-государств. К таким стратегиям стоит, например, отнести распространение идей «тюркского мира» и «наследия Великого шёлкового пути».

Текст структурирован следующим образом: в первом разделе раскрывается понятие транснациональной памяти, далее последовательно проводится анализ ключевых субъектов, способствующих формированию транснациональной памяти в Центральной Азии.

После распада СССР Центрально-Азиатский регион стал ареной пересечения интересов множества внешних акторов. Это обусловлено рядом факторов, включая наличие значительных природных ресурсов (углеводороды, золото, медь, уран), стратегическое значение для торговой и транспортной инфраструктуры Евразии (проект «Один пояс, один путь» и другие транзитные маршруты, газо- и нефтепроводы), а также его роль в обеспечении международной безопасности (соседство с Афганистаном актуализирует проблемы наркотрафика и международного терроризма).

Несмотря на присутствие множества внешних игроков, в данной работе акцентируется внимание на пяти ключевых, которые, по нашему мнению, оказывают наиболее существенное влияние на регион. Первым из них является Турция, которая активно развивает партнёрские отношения с центральноазиатскими государствами, опираясь на культурную и этническую близость с четырьмя странами региона, население которых преимущественно тюркское. По аналогичным соображениям культурной близости к Таджикистану — единственной нетюркской стране региона — в анализ включён Иран.

Обсуждение роли внешних игроков в Центральной Азии было бы неполным без учёта Китая, второй экономики мира и главного торгового партнёра региона. Особое внимание уделяется Индии, чья роль может показаться менее очевидной. Тем не менее Нью-Дели за последнее десятилетие предпринял значительные усилия для укрепления своего присутствия в регионе в рамках новой внешнеполитической стратегии *Connect Central Asia*.

Наконец, особое место занимает Россия, чьё историческое влияние в регионе и потенциал так называемой мнемонической мягкой силы представляют значительный интерес для анализа. Для российского исследователя вопрос о роли России в современном геополитическом контексте Центральной Азии остаётся особенно актуальным.

Транснациональная память: к определению понятия

Термины «транснациональная/транскультурная память», «транснациональная история» вошли в академический дискурс в 1990-х годах. Их появление обусловлено глобализацией, окончанием «холодной войны» и углублением европейской интеграции, что создало запрос на преодоление «методологического национализма» в изучении истории, обсуждении прошлого и способов его коммеморации. Исследователи, работающие в этом направлении, стремились рассматривать историю и коллективную память как явления, которые не обязательно связаны с конкретными нациями-государствами [The Palgrave Dictionary... 2009; Transnational Memory... 2014; Transcultural Memory... 2014; Local History... 2011; Wustenberg 2020; Павловский 2023].

Отсюда возник упор на изучение взаимосвязей *между* народами, регионами, культурами, государствами, диаспорами, а также попытки интерпретировать исторические события с учётом множества возможных точек зрения³. Критика «мето-

³ В качестве примера сошлёмся на специальный номер журнала *Memory Studies*, посвящённый исследованию Османской империи, которую предлагается рассматривать с точки зрения истории разных этноконфессиональных групп, входивших в её состав, в том числе турок, армян, евреев, греков и курдов. См.: [Koureas, Prosser et al. 2019].

дологического национализма» привела к формированию так называемого космополитического режима памяти. Под этим понимается подход к осмыслению прошлого, который предполагает отказ от национального триумфализма и акцентирует внимание на сложных, часто трагических страницах истории, рассматривает их через призму общечеловеческих и моральных категорий [Levi, Sznajder 2006; Ryan 2014]. Примером может служить память о Холокосте, которая приобрела глобальный характер. Музеи Холокоста существуют во многих странах мира – от Австралии до США и от Германии до ЮАР. Другой пример – коммеморация Первой мировой войны в Европейском союзе, в основе которой лежит чувство скорби о всех павших солдатах [Ассман 2022: 99]. К подобным инициативам можно также отнести проекты совместного создания учебников истории, появившиеся в Европейском союзе в начале XXI века, например франко-германский и польско-германский учебники⁴, а также открытие Дома европейской истории в Брюсселе в 2017 году⁵.

В целом транснациональная память характеризуется многозначностью и охватывает широкий спектр смыслов: от диаспоральной памяти [Bagolian 2014] и исторических нарративов, конструируемых с точки зрения различных этнических групп, до общеевропейской или глобальной памяти о Холокосте. В любом случае речь идёт о нарративах, направленных на преодоление национального партикуляризма и формирование коллективной памяти, складывающейся *поверх границ* отдельных государств.

В нашем исследовании постсоветской Центральной Азии под транснациональными рамками памяти понимаются обращения внешних игроков к общему куль-

турному наследию со странами региона, к единой истории или к отдельным событиям и фигурам прошлого, которые могут рассматриваться как объединяющие. Как будет показано далее, подобные нарративы служат инструментом формирования наднациональных идентичностей и лояльностей, легитимации внешнеполитических инициатив государств, а также увеличения их привлекательности в регионе, что позволяет им достигать своих целей с меньшими издержками.

Субъекты транснациональной памяти в Центральной Азии: нарративы, стратегии и потенциалы

Турция

Сразу после распада СССР Турция начала активно продвигать в Центральной Азии идею тюркского единства. В 1992 г. в Анкаре состоялся первый Саммит тюркоязычных государств, ставший впоследствии ежегодным. В нём приняли участие Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, а также Азербайджан, который не входит в рассматриваемый регион. Ещё раньше Турция оказалась вовлечена в процесс перехода Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана на латиницу. В ноябре 1991 года, когда Советский Союз де-юре ещё не прекратил своё существование, в Стамбуле состоялась конференция, посвящённая реформе алфавитов в этих республиках. Процесс перехода на латиницу рассматривался турецкими и центральноазиатскими элитами как важный шаг к формированию общетюркского единства [Космарский 2003: 67]. В 1993 г. была учреждена Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), в 1998 году – Парламентская ассамблея тюркских государств. В 2009 г. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан вместе с Азербай-

⁴ См. немецкие издания обоих учебников: *Geiss P., Henri D., Le Quintrec G. Histoire/Geschichte – Die Welt und Europa seit 1945. Leipzig: Klett, 2006; Europa – Unsere Geschichte: Band 1-4. Eduversum, 2016–2020.*

⁵ Тем не менее, как справедливо указывает Дж. Вюстенберг, выбор транснациональной рамки в работе с прошлым не обязательно означает приверженность гуманистической установке на примирение различных взглядов на историю или на честный разговор о собственной истории [Wüstenberg 2020: 7].

джаном и Турцией создали Тюркский совет, переименованный в 2021 г. в Организацию тюркских государств. На протяжении всего постсоветского периода концепт «тюркского мира» последовательно приобретал институциональное оформление. Для Анкары этот проект имел особую значимость, поскольку Турция рассматривала себя как главный культурный, экономический и политический центр сообщества тюркских государств.

В основу процесса укрепления тюркской идентичности должна была лечь разделяемая всеми странами тюркского мира коллективная память. Её формированием призвана заниматься главным образом Международная тюркская академия (МТА). Её штаб-квартира находится в Астане. В 2014 г. на этом направлении был сделан важный шаг: на очередной встрече Тюркского совета в Бодруме принято решение о подготовке совместных учебников по истории, первый из которых вышел из печати спустя пять лет⁶. На момент написания статьи этот учебник издан на казахском, русском и турецком языках, охватывая период с древнейших времен и до конца XV века. Предмет «Общая тюркская история» уже введён в школьную программу Казахстана, Азербайджана и Турции как факультатив для учащихся 8-го класса. Параллельно готовятся к выходу учебники «География тюркского мира» и «Общая тюркская литература». Как указано на сайте Международной тюркской академии, задача всех этих учебных изданий заключается в «формировании у молодого поколения представления об общ-

ности истории тюркских народов, укреплении языкового и культурного единства, а также развитию чувства общей идентичности и взаимного уважения в тюркском мире»⁷.

Совместные учебники далеко не единственный проект Тюркской академии, нацеленный на формирование транснациональных рамок памяти. Среди других инициатив стоит также упомянуть Форум гуманитарных наук «Великая степь», который проводился с 2016 по 2019 г. и был посвящён теме «Тюркская цивилизация: от истоков к современности»⁸. Кроме того, МТА каждый год определяет знаменательные даты для тюркского мира – например 950-летие памятнику средневековой тюркской литературы «Кутадгу билиг», 150-летие казахского просветителя и участника движения «Алаш» Ахмета Байтурсынова, 130-летие автора гимна Азербайджана Ахмеда Джавада, 600-летие Сулеймана Челеби (1402–1411) – одного из правителей в период Османского междоусобия. С 2010 г. ТЮРКСОЙ ежегодно назначает город, получающий статус культурной столицы тюркского мира⁹, а также определяет ключевые фигуры, чей год объявляется годом памяти. В частности, 2018 год был посвящён Чингизу Айтматову, 2020 год – Абаю Кунанбаеву, 2024 год – Махтумкули Фраги. Эти инициативы сопровождаются организацией культурных мероприятий, конференций и праздников. В качестве примера можно привести заседание Союза музеев ТЮРКСОЙ, а также проведение Фестиваля литературы и книги тюркского мира.

⁶ Кыдырали Д., Бабаяров Г. Учебник по факультативному предмету для 8-х классов общеобразовательных школ «Общая тюркская история» (с древнейших времен до XV века). Астана, 2019: Международная тюркская академия. 198 с.

⁷ Учебники «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира» // Международная тюркская академия. URL: <https://turkicacademy.org/ru/open-call/uchebniki-obshchaya-tyurkskaya-istoriya-obshchaya-tyurkskaya-literatura-geografiya-tyurkskogo-mira> (дата обращения: 27.07.2024).

⁸ Форум гуманитарных наук «Великая степь» // Международная тюркская академия. 10.10.2023. URL: <https://turkicacademy.org/ru/proekt/great-steppe-humanities-forum> (дата обращения: 27.07.2024).

⁹ В разное время ей становились Ош (Киргизия), Мары (Туркменистан), Астана и Туркестан (Казахстан), Хива (Узбекистан). На 2024 г. этот статус получил туркменский город Анау, на территории которого сохранились остатки древних поселений, датированных V тыс. до н.э.

Турция, выступая главным инициатором идеи тюркского единства, достигла значительного прогресса в выстраивании транснациональной памяти со странами Центральной Азии. Эта память закрепляется через совместные учебники, культурные и научные мероприятия, монументы (вроде памятника Ататюрку в Алматы) и т.д. Вместе с тем на этом направлении существует ряд препятствий. *Во-первых*, разные государства могут полагать, что их репрезентация в рамках пантюркистского нарратива не отражает их реальный вклад в общее историко-культурное наследие или является некорректной¹⁰. Кроме того, в совместной истории тюркских народов существуют противоречивые эпизоды, которые подвергаются различным трактовкам среди представителей тюркского мира, что затрудняет формирование единого исторического дискурса¹¹.

Во-вторых, несмотря на обозначенные достижения проекта тюркского единства, он принимается государствами Центральной Азии скептически. Политические элиты, обретя независимость от Москвы, не хотят

появления нового гегемона в лице Анкары. Примечателен пример Узбекистана, сохранившего с самого начала настороженное отношение к данному проекту. В 1995 г. в стране была проведена очередная языковая реформа, призванная несколько видоизменить используемый в стране латинский алфавит, убрав из него турецкие графемы¹². Более того, в 2000 г. в Узбекистане были закрыты все турецкие лицеи. Показательно также, что в Тюркский совет Ташкент вступил лишь в 2019 году, спустя десять лет после создания этой организации. Туркменистан, в свою очередь, до сих пор уклоняется от полноценного членства: только в 2021 г. он вошёл в Организацию тюркских государств в качестве наблюдателя¹³.

Иран

Таджикистан, будучи частью персидского культурного ареала, традиционно не включается в контекст тюркского мира. Тем не менее представляется целесообразным рассмотреть деятельность Ирана, направленную на формирование совместной политики памяти с Душанбе.

¹⁰ См., например, подробную критику учебника «Общая тюркская история» из Киргизии: *Чоротегин Т.* Об отдельных изъянах общего учебника по истории тюркских народов // Радио Азаттык. 29.01.2021 г. URL: https://rus.azattyk.org/a/turkic_history_2021_longread_istoriya-tyurkskikh-narodov_tch_mnenie-ob-uchebnike/31076075.html?fbclid=IwAR00_Nt8fBLwJVoi2CRKdgWUz88VgR_VXoteOJtXNPYwBvPwusxVLDnGGEA (дата обращения: 27.07.2024). Нелишним будет заметить, что политика памяти всех центральноазиатских государств в том виде, в каком она оформилась после 1991 года, включает в себя стремление максимально удревнить и возвысить собственную историю — среди прочего объявить себя «древнейшим народом» в Центральной Азии или «древнейшим тюркским государством». Подобная политика затрудняет выработку совместного нарратива. Наиболее гротескным примером является туркменский исторический нарратив, в рамках которого туркмены провозглашаются родоначальниками нынешних турок [Горак 2005: 110], что едва ли может найти понимание в Анкаре, претендующей на роль «старшего брата» в тюркском мире.

¹¹ Образ Тамерлана, которого в Узбекистане почитают как основателя национальной государственности, вызывает весьма противоречивые ассоциации в турецкой коллективной памяти. Его завоевательные походы были направлены в том числе против Османской империи. Знаменитая Ангорская битва (1402), в ходе которой турецкие войска были разгромлены армией Тамерлана, привела к завоеванию последним всей Малой Азии, вызвав тяжелейший кризис в Османской империи и фактически на полвека отсрочив окончательное уничтожение турками Византии.

¹² Антитурецкий подтекст этой языковой реформы заключается в том, что «[д]ля букв, выходящих за пределы базовой латиницы (26 знаков), вместо турецкой диакритики были выбраны диграффы [sh] вместо [ş] для звука [ш], [ch] вместо [ç] для звука [ч]» [Космарский 2003: 68].

¹³ Оговоримся, что в случае Туркменистана и Узбекистана речь не идёт о скептическом отношении исключительно к общетюркской интеграции. Для Ташкента все постсоветские годы суверенитет имел первостепенное значение, поэтому поступиться им режим Каримова—Мирзиёева был не готов ни в рамках СНГ, ни в рамках ОДКБ, членство в которой он неоднократно приостанавливал, ни в рамках ЕАЭС, куда Узбекистан пока так и не вступил, несмотря на множество переговоров. Ашхабад после распада СССР и вовсе взял курс на изоляционизм, замаскированный эффемизмом «нейтралитет».

После распада СССР Тегеран первым признал Таджикистан в качестве независимого государства и открыл там своё посольство в январе 1992 года. В тот момент иранские элиты рассматривали его как своего ближайшего союзника в регионе. Они полагали, что страна, относящаяся к персидскому миру, будет ориентироваться в своей политике на режим аятолл [Clark 2015: 214]. Эти надежды нельзя было назвать необоснованными. Свой первый зарубежный визит президент Таджикистана Рахмон Набиев (1991–1992) совершил именно в Тегеран. Там он заявил, что таджики и иранцы «связаны сотнями нитей совместной истории и культуры, единством языка и литературы», а также тем фактом, что они «жили в одной стране до начала XV века» [Ahmadi 2019: 107]. В последующие годы активно обсуждалась возможность возвращения таджикского языка к использованию традиционного персидского алфавита. Такая мера могла бы устранить культурно-лингвистические барьеры между персоязычными сообществами Таджикистана, Ирана и Афганистана, способствуя укреплению общности на основе разделяемого культурного наследия¹⁴. Иран и Таджикистан как культурно близкие страны подавали совместные заявки в ЮНЕСКО, например на включение древнего иранского «Праздника Сада» в список нематериального культурного наследия человечества¹⁵.

Тем не менее реализации гуманитарного сотрудничества между странами мешают

как минимум два фактора. Прежде всего, характер межгосударственных отношений между Таджикистаном и Ираном оказался значительно более сложным, чем предполагалось в первые годы после распада СССР. Две страны так и не стали ближайшими политическими союзниками, подобно другим государствам с культурно близким населением – Турции и Азербайджану, Румынии и Молдове. Подчёркнуто светский режим Эмомали Рахмона (с 1994 г. по настоящее время) с остороженностью относится к иранской теократии, которая временами открыто покровительствовала таджикской оппозиции. Последний серьёзный спад в отношениях между странами произошёл в конце 2015 года, когда в Тегеране на самом высоком уровне принимали лидера запрещённой Рахмоном Партии исламского возрождения Таджикистана¹⁶. Как следствие, многие совместные инициативы оказываются заморожены. В частности, речь идёт о создании совместного персоязычного канала на территории Ирана, Таджикистана и Афганистана¹⁷. Переговоры о его создании проходили с 2006 года, но к концу 2010-х годов проект был окончательно свёрнут. Таджикская сторона опасалась, что телеканал будет использоваться для религиозной индоктринации населения. Более того, высказывались претензии и касательно внешнего вида ведущих¹⁸.

Второй фактор заключается в том, что акцентирование исторической, культурной, языковой общности двух стран может, по мнению Душанбе, превратить Таджики-

¹⁴ Задача перехода на новый алфавит оказалась в итоге непосильной для Таджикистана, беднейшего государства Центральной Азии, но Иран финансировал работу ряда культурных и образовательных центров (в том числе на базе школ и университетов), в которых было организовано обучение арабо-персидской письменности.

¹⁵ «Праздник Сада» включён в Список нематериального культурного наследия человечества // Посольство Республики Таджикистан в ФРГ. 07.12.2023. URL: <https://mfa.tj/ru/berlin/view/13961/prazdnik-sada-vklyuchena-v-spisok-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-chelovechestva> (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁶ Признана Верховным Судом Российской Федерации террористической организацией 14 сентября 2022 года.

¹⁷ Иран, Афганистан и Таджикистан создают совместный персоязычный канал // Регнум. 27.02.2010. URL: <https://regnum.ru/news/1258232> (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁸ В Иране хиджаб является обязательным атрибутом женской одежды, тогда как в Таджикистане долгое время существовал негласный запрет на его ношение в публичных местах, оформленный в 2024 г. уже на законодательном уровне.

стан в культурную периферию *Pax Iranica*. Подобное развитие событий неприемлемо для правящих кругов постсоветской республики, которые выстраивают свою символическую политику на прославлении таджикской истории и национального культурного наследия. Достаточно указать на культ, выстроенный вокруг Исмаила Самани¹⁹, чьё правление именуется «золотым веком таджикской цивилизации». Для таджикской стороны также характерно присвоение арийской культурной традиции, которую Душанбе отказывается считать общеперсидской. В книге президента Рахмона подчёркивается, что именно Восточный, а не Западный Иран²⁰ был родиной Заратустры, «первого пророка таджиков», а также местом создания «Авесты» [Рахмон 2020: 49–55]²¹. Экспроприации подвергается не только зороастрийское, но и более позднее культурное наследие. Например, великим таджикским поэтом, к неудовольствию Тегерана, был объявлен Рудаки — современник Исмаила Самани [Уостиндж 2014: 142]. Столь же показательны и поправки в закон о государственном языке от 2009 года, согласно которым таковым вместо «таджикского персидского»²² был назван «таджикский».

Иными словами, несмотря на периодическое сближение двух государств²³, таджикская элита не разделила оптимизма президента Ирана Махмуда Ахмадинежада (2005–2013), который во время одного из своих визитов в Таджикистан обратился к местному населению с риторическим

утверждением: «Я смотрю на вас и вижу иранцев» [Clark 2015: 221]. Таким образом, потенциал «мнемонической мягкой силы» ИРИ в Таджикистане в обозримом будущем вряд ли будет полноценно реализован. С одной стороны, объективным основанием для сотрудничества служат века общей истории, культурные и цивилизационные связи, которые могли бы стать базисом для укрепления отношений. Однако трактовка исторического наследия часто становится предметом дискуссий. Например, заявления президента Таджикистана Эмомали Рахмона о том, что такие исторические личности, как Исмаил Самани, Рудаки или даже Заратустра, являются этническими таджиками, могут быть восприняты как попытка переосмысления общего культурного наследия в национальном контексте.

Индия

Интерес Нью-Дели к странам Центральной Азии прослеживается сразу после распада СССР, при этом с начала 2010-х годов заметна явная активизация на центрально-азиатском направлении. В 2012 г. была сформулирована новая стратегия Индии в отношении региона (“*Connect Central Asia*”). В 2015 г. состоялось турне премьер-министра Нарендры Модии по всем пяти центральноазиатским странам. С 2019 г. налажено регулярное межгосударственное взаимодействие на уровне глав внешнеполитических ведомств (Диалог «Индия — Центральная Азия»), которое предполагает кооперацию по разным вопросам²⁴.

¹⁹ Исмаил Самани (849–907) — средневековый правитель, создавший обширную державу со столицей в Бухаре, территория которой включала в себя части современного Таджикистана, Узбекистана, Ирана и Афганистана.

²⁰ То есть территория современного Таджикистана, а не Исламской Республики Иран.

²¹ «Авеста» — священная книга зороастрийцев.

²² Эта формулировка была принята летом 1989 года.

²³ Очередное потепление в отношениях началось в 2022 году — вскоре после прихода к власти президента Ирана Ибрагима Раиси (2021–2024). Тогда в публичную риторику официальных лиц в Душанбе вернулся дискурс о «братских народах», был подписан ряд важных межгосударственных договоров, состоялся Таджикско-иранский туристический форум, было заключено соглашение о безвизовом режиме.

²⁴ В августе 2024 г. главы МИД всех центральноазиатских государств собрались в Индии на двухдневную конференцию для обсуждения вопросов безопасности и развития транспортной инфраструктуры; с 2021 г. Индия проводит ежегодные военные учения с Узбекистаном, но с участием весьма ограниченного контингента.

Проникновение в регион подкрепляется ссылкой индийских политиков на древние культурные, исторические, экономические связи между Индией и Центральной Азией, призванные доказать, что страна «не новый игрок, а скорее – старый друг»²⁵. В 2015 г. Н. Моди, находясь с визитом в Астане, неоднократно подчёркивал, что данный регион издавна был местом соединения индийской и исламской цивилизаций, которые взаимно обогащали друг друга²⁶. В декларации первого саммита «Индия – Центральная Азия» 2022 г. также упоминалось о «многовековых тесных цивилизационных, культурных, торговых и гуманитарных (*people-to-people*)» контактах²⁷.

Упомянутые связи действительно прослеживаются ещё с бронзового века. Важно отметить, что некоторые территории Индии и стран Центральной Азии входили в разное время в состав ряда государств древности – Ахеменидской державы (559 до н.э. – 329 до н.э.), Греко-Бактрийского царства (250 до н.э. – 125 до н.э.), Кушанской империи (30–375). Торговые контакты, прежде всего через Великий шёлковый путь, уходят корнями в глубь веков. Одним из следствий развития трансевразийской торговли стало образование индийской диаспоры в регионе, которая играла значительную роль в местной экономике. Во второй половине XIX века в Центральной Азии насчитывалось около 8 тыс. индийцев²⁸.

Многовековое религиозное взаимодействие аналогичным образом выступает важным элементом общего наследия. Из Индии в Центральную Азию, а затем в Китай

активно проникал буддизм. Крупнейшая в мире глиняная статуя Будды была найдена в 1960-е годы на территории современного Таджикистана. В свою очередь, из Бухары, Самарканды и других городов региона суфизм постепенно проникал в Индию. Саид Али Хамадани, один из самых известных его проповедников, в XIV веке пришёл на Индостан из Куляба. Многие выходцы из Центральной Азии были частью политической и интеллектуальной элиты в империи Великих Моголов. Её основатель Бабур (1483–1530) происходил из Ферганы. Официальным языком Делийского султаната (1206–1526) был персидский. Интенсивные контакты между Центральной Азией и Индостаном сохранялись вплоть до вхождения Индии в состав Британской империи и Туркестана – Российской империи. Только после этого их стали разделять осязаемые политические границы, а персидский язык, долгое время бывший на всей этой территории *lingua franca*, постепенно вытесняется английским и русским соответственно. Таким образом, у Моды и других индийских политиков есть к чему апеллировать.

Вместе с тем политика правящей Индийской народной партии (БДП) в отношении ислама является препятствием для выстраивания транснациональной памяти между Индией и странами Центральной Азии. После прихода к власти Н. Моды в 2014 г. и без того напряжённые отношения между двумя крупнейшими религиозными общинами, индусами и мусульманами, ухудшились ещё сильнее. Лидеры БДП, исповедующие идеологию хиндутвы²⁹, рассмат-

²⁵ Щедров И. Индия в Центральной Азии: на пути от символических к реальным практикам // РСМД. 08.09.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-tsentralnoy-azii-na-puti-ot-simvolicheskikh-k-realnym-praktikam/> (дата обращения: 27.07.2024).

²⁶ Islamic heritage of India, Central Asia has rejected extremism: PM Narendra Modi // The Economic Times. 07.07.2015. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/islamic-heritage-of-india-central-asia-has-rejected-extremism-pm-narendra-modi/articleshow/47976684.cms?from=mdr> (accessed: 27.07.2024).

²⁷ Delhi Declaration of the 1-st India-Central Asia Summit // Ministry of External Affairs. Government of India. 27.07.2022. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (accessed: 27.07.2024).

²⁸ Об исторических и культурных связях Индии и Центральной Азии см.: [Joshi 2010: 21–27; Singh 2015: 61–72].

²⁹ Хиндутва – это идеология индусского национализма, согласно которой Индия является прежде всего страной индусов. Адепты же «неаутентичных» религиозных традиций рассматриваются как

ривают культурную и конфессиональную неоднородность своей страны как серьёзную проблему. Как следствие, в Индии регулярно происходят погромы мусульман и разрушение мечетей индусскими националистами при попустительстве властей, переименовываются города, названия которых отсылают к мусульманской истории и культуре. Например, Аллахабад («город Аллаха») стал в 2018 г. Праяграджем. Подобное эксклюзивное понимание идентичности индийской нации экстраполируется и на политику памяти, которая направлена на устранение исламского наследия.

Из учебников убираются не только упоминания о символах страны, которые были созданы в эпоху Великих Моголов, например Тадж-Махал, но и целые главы, посвящённые этому периоду индийской истории³⁰. Если же мусульмане и присутствуют в историческом нарративе, то только как иностранные захватчики, что превращает 600-летнюю эпоху в истории страны от Делийского султаната до империи Великих Моголов в постыдное время внешнего завоевания. Антиисламская ревизия индийской истории сильно сокращает пространство для «мнемонического» сотрудничества Нью-Дели с государствами Центральной Азии, для которых их принадлежность к мусульманскому миру ещё со времён Арабского халифата является важной частью идентичности.

Kumai

Влияние Китайской Народной Республики (КНР) в Центральной Азии, в отличие от других международных акторов, в значительно меньшей степени основывается на использовании «мягкой силы». Основным преимуществом Пекина выступает его экономический потенциал, выра-

женный в развитии торговых отношений, предоставлении кредитов и осуществлении масштабных инвестиций в государства региона. В то же время китайская дипломатия задействует и гуманитарные инструменты. В этом контексте реализация инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) представляется особенно показательной.

Амбициозная инфраструктурная инициатива ОПОП, предполагающая выстраивание сухопутных и морских коридоров для доставки товаров между Европой, Африкой, Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией, была запущена Пекином в 2013 году. Её название указывает на очевидные параллели с Великим шёлковым путём, некогда соединявшим Китай, Индию и Европу через Центральную Азию. Древность торговых и культурных связей между Китаем и остальными участниками проекта стала одним из идеологических обоснований ОПОП наряду с прагматическими рассуждениями об экономической выгоде. Ключевым игроком в данном случае выступает Казахстан, призванный замкнуть на себя многие сухопутные маршруты. В 2015 г. Министерство культуры КНР подготовило «План действий по развитию культуры “Пояса и Пути”», который предполагал среди прочего разработку туристических маршрутов и активизацию сотрудничества в культурной сфере между странами-участницами. Имеется в виду создание, в частности, Международного музейного союза Шёлкового пути и Археологического союза Шёлкового пути [Кауконова 2018: 139–140].

Параллельно шёл поиск исторических персоналий, которые могли бы объединить Китай со странами Центральной Азии. В Астане глава КНР Си Цзиньпин в своей речи 2013 года, приуроченной к старту этого проекта³¹, упомянул историю китайско-

чужеродный элемент, подлежащий ассимиляции или изгнанию. В этой ситуации именно мусульмане становятся главной мишенью для атак индусских националистов, как представители наиболее крупного конфессионального меньшинства (14,4% населения).

³⁰ *Suhasini R.* New Indian Textbooks are Purged of Muslim History and Hindu Extremism // NYT. 06.04.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/04/06/world/asia/india-textbooks-changes.html> (accessed: 12.02.2025).

³¹ Xi Jinping, Speech in Astana, Kazakhstan, on Building a Silk Road Economic Belt with Central Asian Nations, September 7, 2013 // USC. US — China Institute. 07.09.2013. URL: <https://china.usc.edu/node/21218> (accessed: 14.02.2025).

го композитора Сянь Синхая (1905–1945), оказавшегося в годы Второй мировой войны в Алма-Ате в тяжёлых жизненных обстоятельствах³². Ему тогда помог казахский композитор Б. Байкадамов, с которым они сильно сблизились. В контексте строительства ОПОП Сянь превратился в настолько важный символ «казахо-китайской дружбы», что в 2017 г. во время очередного визита лидера КНР в Казахстан возникла идея совместного художественного фильма «Композитор», вышедшего в 2019 году³³.

Несмотря на отдельные примеры, ресурсы «мягкой силы», в том числе мнемонической, Китая в Центральной Азии весьма ограничены. Главной проблемой с точки зрения восприятия Пекина в регионе оказывается ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), где помимо тюркоязычных уйгуров проживают также этнические казахи (более 1 млн), киргизы (ок. 200 тыс.) и небольшое количество таджиков и узбеков³⁴. Политика КНР в отношении тюрко-мусульманского населения, а также страх перед «китайской экспансией» и ростом экономической зависимости центральноазиатских государств от Пекина определяют образ Китая в регионе,

зачастую далёкий от позитивных ассоциаций, особенно в Казахстане и Киргизии³⁵.

Многие инициативы КНР в гуманитарной сфере не находят ожидаемого отклика. Показательной стала история со знаменитым киргизским эпосом «Манас». С начала 2000-х годов в СУАР стали регулярно проводиться фестивали Манаса, а в 2009 г. Китай попытался от своего имени внести его в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, мотивируя это решение проживанием на его территории сотен тысяч киргизов, среди которых есть и «манасчи» — мастера-исполнители эпоса. Инициатива Пекина вызвала в Киргизии сильное раздражение: она была воспринята как китайская культурная апроприация, покушение на чужое национальное достояние. Хотя официальные лица в Бишкеке публично не позволяли себе резких заявлений, в итоге Киргизия спустя два года добилась внесения «Манаса» в список ЮНЕСКО исключительно от своего имени [Jacquesson 2020].

Россия

Для нас представляет особый интерес то, как выглядит на фоне рассмотренных выше игроков Россия. И в данном случае

³² Сянь Синхай приехал в СССР по поручению Коммунистической партии Китая, чтобы написать музыку к документальному фильму. Из-за войны съёмки были прерваны, в то же самое время Сянь не мог и вернуться на родину, поскольку губернатор Синьцзяна Шэн Шицай начал тогда репрессии против коммунистов. В конечном итоге Сянь оказался в Алма-Ате без денег и знакомых, равно как и без знания русского или казахского языков.

³³ *Byler D.* A Road to Forgetting: Friendship and Memory in China's Belt and Road Initiative // *The Art of Life in Chinese Central Asia*. 04.05.2019. URL: <https://livingotherwise.com/2019/05/04/road-forgetting-friendship-memory-chinas-belt-road-initiative/> (accessed: 27.07.2024).

³⁴ Важно отметить, что в СУАР не просто проживает население, которое воспринимается в Центральной Азии как культурно близкое. Существует история трансграничных миграций между Синьцзяном и Центральной Азией: сначала в ходе туркестанского восстания 1916 г. и во время сталинской коллективизации на территорию нынешнего СУАР бежали киргизы и казахи, а в середине 1950-х и начале 1960-х годов тысячи уйгуров, казахов и дунган переселялись из КНР в обратном направлении. После 1991 г. в Казахстан из Китая переехали тысячи «оралманов» — этнических казахов, у которых зачастую остаются в СУАР родственники и знакомые.

³⁵ Марлен Ларуэль и Дилан Ройс отмечают, что к Китаю в Центральной Азии применима формула "*warm politics, cold public*": в то время как риторика первых лиц в Бишкеке, Астане, Ташкенте, Душанбе и Ашхабаде в высшей степени комплиментарна по отношению к могущественному соседу, общественное мнение настроено фактически синофобски. В 2020 г. позитивное отношение к Пекину выразили лишь 15% респондентов в Казахстане и 10% в Кыргызстане. В 2019–2020 годах в этих двух странах прошли антикитайские выступления, в которых участвовали тысячи протестующих. См.: *Laruelle M., Royce D.* No Great Game: Central Asia's Public Opinions on Russia, China, and the U.S. // *Kennan Cable*. Aug. 2020. No. 56. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-56-no-great-game-central-asias-public-opinions-russia-china-and-us> (accessed: 27.07.2024).

целесообразнее начать с ограничений и препятствий при реализации российской «мнемонической мягкой силы» в Центральной Азии.

Несмотря на общую богатую историю России со странами Центральной Азии, формирование совместной памяти об имперском и советском прошлом сталкивается с серьёзными трудностями. Москва не склонна рассматривать период до 1917 г. как колониальный, тогда как в Центральной Азии сложился устойчивый консенсус относительно именно такой интерпретации российского господства в Туркестане³⁶.

Историческая память о советской эпохе гораздо более дифференцированная. Если в Узбекистане и Туркменистане колониальная рамка безо всяких оговорок экстраполируется и на период 1917–1991 годов, то в Казахстане и особенно в Киргизии и Таджикистане восприятие Советского Союза более нюансированное. Тем не менее даже в трёх последних странах политические элиты не соглашаются поддерживать точку зрения Москвы на распад СССР

как «крупнейшую геополитическую катастрофу», потому что подобная позиция делегитимирует их собственное существование. Для руководства Российской Федерации Советский Союз – органичная часть исторической России, российская политика памяти подразумевает идею *преемственности* между периодами до и после 1991 года. Характерно, например, что из официального российского дискурса сегодня фактически пропал термин «тоталитаризм» для описания коммунистической эпохи.

Политика памяти других постсоветских государств, в том числе в Центральной Азии, строится на допущении, что в 1991 г. их *подлинная* национальная история только началась или возобновилась после долгого перерыва, что в той или иной степени предполагает критическую оценку советского прошлого³⁷. Согласовать между собой два исторических нарратива, один из которых конструируется в рамках бывшей «метрополии» (при всей сложности приращения термина «империя» к СССР),

³⁶ В ходе анализа учебников по истории из Узбекистана, Казахстана и Киргизии не было обнаружено принципиальных различий в их оценке имперского периода. Наиболее жёсткие формулировки используются в Узбекистане, где сообщается о «колониальных войнах» России в Туркестане и установившемся там «оккупационном режиме». См.: *Муртазаева Р.Х., Дорошенко Т.И.* (ред.) История Узбекистана: Учебник для студентов высших учебных заведений. Ташкент: “Fan va texnologiya”, 2011. С. 182–197. В казахстанском нарративе говорится о «захвате исконно казахских земель» и «грабеже казахских аулов» после присоединения к Российской империи, а участие казахов в восстании Емельяна Пугачёва интерпретируется как «первое открытое выступление... против колониальной политики России». См.: *Тургараева Г.М.* История Казахстана: Учебник: курс лекций. Алматы: издательство «Эверо», 2016. С. 102. В киргизском учебнике, несмотря на в целом более мягкую риторику, констатируется, что «[ц]аризм нёс киргизскому народу национально-колониальный гнёт, дополнявшийся гнётом своих феодалов-эксплуататоров». См.: *Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д., Абдырахманов Т.А.* История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов / Отв. ред. А.Ч. Какеев. 3-е дораб. изд. Бишкек: КРСУ, 2015. С. 249.

³⁷ В одном из узбекистанских учебников глава, посвящённая распаду СССР, красноречиво называется «Государственная независимость – осуществление вековой мечты народа». См.: *Муртазаева, Дорошенко.* История Узбекистана ... С. 276. В учебнике из Киргизии так разъясняется младшим школьникам смысл обретения независимости: «Когда Кыргызстан находился в составе Советского Союза, он не мог самостоятельно решать важные политические, экономические, национальные проблемы. Только с 1985 года, с началом в стране нового периода, названного периодом “перестройки”, появились реальные возможности для возрождения, обретения нашей республикой независимости». См.: *Осмонов О.Дж. и др.* История Кыргызстана и мировая история: Учебник для 5 кл. общеобразовательных школ. Бишкек: Билим-компьютер, 2018. С. 10. Президент Таджикистана в своей книге характеризует советский период следующим образом: «Семидесятилетняя история Советского Союза, защищающего преимущественно ограниченную национальную независимость, доказала, что искусственно навязанная народу культурная политика и идеология в конечном итоге обречены на провал. Ибо надуманная и беспочвенная идеология не соответствовала духовным, моральным, религиозным и психологическим ценностям народов...». См.: *Рахмон Э.* Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов. Душанбе: Ирфон, 2020. С. 11.

а другой – на бывших «окраинах», весьма проблематично. Эти противоречия гораздо серьезнее, чем описанные ранее расхождения в рамках общетюркского нарратива.

Тем не менее потенциал для выстраивания транснациональной памяти между Россией и Центральной Азией сохраняется в отношении отдельных событий общей истории, самым очевидным из которых видится Великая Отечественная война³⁸. Она имеет чрезвычайную значимость для российской стороны, где события 1941–1945 годов превратились в ключевой элемент политики памяти, направленной как внутренней, так и внешней аудитории. Российские официальные лица регулярно апеллируют к войне как к общей странице истории всех республик бывшего СССР, активно продвигая совместные формы её коммеморации, например участие лидеров постсоветских государств в московском Параде Победы, проведение шествий «Бессмертного полка», акция «Георгиевская ленточка» или её аналоги. Иными словами, Москва прилагает значительные усилия для сохранения памяти о Великой Отечественной войне в качестве транснациональной после распада СССР.

Вместе с тем российская версия памяти о войне оказывается плохо совместимой с коллективной памятью целого ряда постсоветских обществ. В этом смысле Москве гораздо проще говорить об истории Великой Отечественной войны со странами Центральной Азии, поскольку здесь нет узаконных проблем и «конфликтных памяти». В этом регионе после 1991 г. не произошло радикальной ревизии советского наррати-

ва о войне, если вынести за скобки Туркменистан³⁹. Кроме того, эти страны хорошо помнят о той особенной роли, которую они сыграли в истории войны, став местом эвакуации предприятий, киностудий, НИИ, вузов, а главное – сотен тысяч советских граждан из европейской части Советского Союза. Например, в Ташкенте до сих пор стоит памятник семье Шамахсудовых, которые усыновили в годы войны 15 сирот, вывезенных в Узбекскую ССР.

Главное преимущество российской «мнемонической мягкой силы» заключается в том, что событие, вокруг которого можно выстраивать совместные рамки памяти с центральноазиатскими государствами, обладает гораздо большим эмоциональным откликом, чем апелляции к древним тюркским династиям, державе Ахеменидов или истории Великого шёлкового пути. И в России, и в странах Центральной Азии Великая Отечественная война входит в «оперативную память общества», по формулировке А. Ассман. Она опирается на существование «совместного опыта, воспоминаний и нарративов» [Ассман 2023: 22] – на непосредственные рассказы о войне представителей старшего поколения, на сохранившиеся дома фотографии родственников-фронтовиков и др. Словом, память о Великой Отечественной войне – пока ещё во многом «живая».

* * *

Государства активно работают с историей для продвижения собственных интересов на международной арене, а политика памяти может рассматриваться как инстру-

³⁸ Оговоримся, что в Узбекистане и Туркменистане от этого понятия на официальном уровне отказались, оставив в употреблении лишь термин «Вторая мировая война». Тем не менее мы будем его использовать для удобства, имея в виду события, связанные с противостоянием СССР нацистской Германии и её союзникам.

³⁹ Не случайно регулярно проводятся различные форумы и круглые столы с участием учёных, экспертов, общественных деятелей из Центральной Азии и России, название которых говорит само за себя – «Вклад народов Евразии в Великую Победу», «79-я годовщина окончания ВОВ. Вклад стран Центральной Азии в общую победу» и т.д. См., например: «Большая Азия»: молодое поколение Евразии помнит Подвиг Героев ВОВ // Ассамблея народов Азии и Африки // Ассамблея народов Азии и Африки. 04.09.2020. URL: <https://eurasia-assembly.org/ru/news/bolshaya-aziya-molodoe-pokolenie-evrazii-pomnit-podvig-geroev-vov> (дата обращения: 30.11.2024); В России оценили вклад стран Центральной Азии в победу в ВОВ // Kz24.News. 27.04.2024. URL: <https://kg24.news/politics/vklad-stran-tsentrainoy-azii-v-pobedu.html> (дата обращения: 30.11.2024).

мент не только внутренней, но и внешней политики. Если в первом случае решаются среди прочего задачи консолидации общества и легитимации власти, то во втором — государства стремятся к вовлечению других стран в совместные проекты, в том числе инфраструктурные; к углублению межгосударственного сотрудничества; к формированию своего положительного образа за рубежом.

В статье показано, что в регионе активная работа по формированию транснациональных рамок памяти ведётся целым рядом внешних игроков, каждый из которых видит в этом дополнительную возможность для укрепления собственного влияния. Показано, что наибольших результатов добилась Турция. Концепция «тюркского мира» имеет и институциональный базис (Организация тюркских государств, ТЮРКСОЙ, Тюркская академия), и зримые воплощения, в частности в виде совместных учебников по истории и регулярных культурных мероприятий. Меньше всего в этом плане представлен Китай.

Процесс конструирования транснациональной памяти в регионе сталкивается с рядом сложностей. Некоторые из них обусловлены действиями самих внешних игроков. Индийской элите гораздо труднее апеллировать к истории межконфессионального взаимодействия между Индией и государствами Центральной Азии, если параллельно она подвергает забвению исламское культурное наследие внутри страны.

Другие же следует искать скорее в процессах, происходящих внутри Центральноазиатского региона. К числу последних относятся постсоветское нациестроительство, которое способствует концентрации правящих элит на продвижении собственного историко-культурного наследия. В этой ситуации приглашение воспринимать себя частью тюркского или персидского мира или же разделить советско-российский нарратив о Великой Отечественной войне идёт вразрез с партикуляристской повесткой «национализирующихся» государств [Brubaker 1995].

России, условно, как бывшей «метрополии» трудно находить точки соприкосновения с бывшими «окраинами» в деле конструирования общей памяти. С другой стороны, совместная память о событиях 1941–1945 годов оказывается более эмоциональной в сравнении с конкурирующими транснациональными нарративами. Не стоит забывать, что естественный процесс смены поколений ведёт к изменению «профиля воспоминаний» общества: некоторые сюжеты неизбежно отодвигаются на периферию коллективной памяти, некоторые заново переосмысливаются. По подсчётам немецкого историка А. Ассман, срок жизни «оперативной памяти» общества составляет 80–100 лет, то есть примерно три поколения [Ассман 2023: 22]. Россия стоит на рубеже, за которым её обозначенное преимущество в Центральной Азии может оказаться утраченным.

Список литературы

- Алпатов В.М. Мягкая сила и язык // *Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ* / Сост. Е.Г. Борисова. 4-е изд. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 134–139.
- Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М.: *Добрая книга*, 2010. 231 с.
- Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации. М.: НЛЮ, 2022. 507 с.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2023. 323 с.
- Бахарева М.Д. Современная имагология: значение и перспективы развития // *Концепт: философия, религия, культура*. 2022. Т. 6. №2. С. 86–101. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101>
- Горак С. Мифы Великого Туркменбаши // *Вестник Евразии*. 2005. №. 2. С. 105–132.
- Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2007. №1(445). С. 3–24.
- Казанцев А.А., Меркушев Н.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // *Полис*. 2008. № 2. С. 122–135.

- Каукенова Т.В.* Культурно-гуманитарная составляющая инициативы «Один пояс и один путь»: значение и текущее состояние // Инициатива «Один пояс и один путь»: состояние и перспективы: Сб. материалов научной конференции, Алматы, 19 сентября 2018 г. Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2018. С. 136–144.
- Космарский А.* Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX – начало XXI вв.) // Вестник Евразии. М. 2003. №3(20). С. 62–79.
- Кривохиж С.В., Соболева Е.Д.* КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 178–192. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-02-09
- Ланьшина Т.А.* «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. №2. С. 28–58.
- Лебедева М.М.* «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3(54). С. 212–213. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
- Най Дж.С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Тренды, 2006. 221 с.
- Павловский А.Ф.* В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в Memory Studies? // Полития. 2023. № 2 (109). С. 166–194. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-166-194
- Пономарёва А.М.* Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 93–132. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132>
- Сутьрин В.В.* За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. 2020. №9. С. 44–57.
- Устиндж Э.* Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. №4. С. 131–144.
- Ahmadi H.* Iran and Tajikistan: How Culture and Civilization Fade in the Shadow of Politics and the Political // Iran and the Caucasus. 2019. Vol. 23. No. 1. P. 105–119. <https://doi.org/10.1163/1573384X-20190110>
- Bachleitner K.* Collective Memory in International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2021. 176 p.
- Baronian M.-A.* Archive, Memory, and Loss: Constructing Images in the Armenian Diaspora // Transnational Memory. Circulation, Articulation, Scales / ed. by C. De Cesari, A. Rigney. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 2014. P. 79–98. <https://doi.org/10.1515/9783110359107.79>
- Brubaker R.* National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // Daedalus. 1995. Vol. 124. No. 2. P. 107–132
- Clark B.* Ahmadinejad, Iran, and Foreign Policy Dysfunction in Tajikistan // Asian Politics & Policy. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 213–244. <https://doi.org/10.1111/aspp.12180>
- Hong Y.* The power of Bollywood: A study on opportunities, challenges, and audiences' perceptions of Indian cinema in China // Global Media and China. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 345–363. <https://doi.org/10.1177/20594364211022605>
- Hard Power, Soft Power and the Future of Transatlantic Relations / ed. by Th. L. Ilgen. London; New York: Routledge, 2006. 222 p.
- Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / ed. by M. Beller, J. Leerssen. Leiden: Brill, 2007. 476 p.
- Jacquesson S.* Claiming heritage: the Manas epic between China and Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2020. Vol. 39. No. 3. P. 324–339. <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1765739>
- Joshi N.* Introduction // Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions / ed. by N. Joshi. Singapore: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010. P. 21–27.
- Klymenko L., Siddi M.* Exploring the link between historical memory and foreign policy: an introduction // International Politics. 2020. Vol. 57. No. 6. P. 945–953. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00269-x>
- Koureas G., Prosser J., Wilson C., Hakim-Dowek L.* Ottoman Transcultural Memories: Introduction // Memory Studies. 2019. Vol. 12. No. 5. P. 483–492. <https://doi.org/10.1177/1750698019870687>
- Levi D., Sznajder N.* The Holocaust and Memory in the Global Age. Philadelphia: Temple University Press, 2006. 240 p.
- Local History, Transnational Memory in the Romanian Holocaust / ed. by V. Glajar, J. Teodorescu. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 275 p.

- Nye J.S. Jr.* Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
- Nye J.S. Jr.* The future of power. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.
- Ohnesorge H.W., Owen J.M.* Mnemonic Soft Power: The Role of Memory in China's Quest for Global Power // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2023. Vol. 52. No. 2. P. 287–310. DOI: 10.1177/18681026231193035
- Otmazgin N.K.* Geopolitics and soft power: Japan's cultural policy and cultural diplomacy in Asia // *Asia-Pacific Review*. 2012. Vol. 19. No. 1. P. 37–61. <https://doi.org/10.1080/13439006.2012.678629>
- Ozkan B.I., Boylu Y.* A Study on the Use of Tourism as a Soft Power Instrument in International Relations // *Journal of Tourismology*. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 73–99. DOI :10.26650/jot.2021.7.1.0004
- Roberts G.* History, Theory and the Narrative Turn in IR // *Review of International Studies*. 2006. Vol. 32. No. 4. P. 703–714. <https://doi.org/10.1017/S0260210506007248>
- Ryan R.* Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction // *Journal of Sociology*. 2014. Vol. 50. No. 4. P. 501–514. <https://doi.org/10.1177/1440783312467097>
- Simons J.* The Soft Power of Elephants // *The Routledge Handbook of Soft Power* / ed. by N. Chitty, L. Ji, G.D. Rawnsley, C. Hayden. London; New York: Routledge, 2017. P. 177–184. <https://doi.org/10.4324/9781315671185>
- Singh A.K.* India and Central Asia: An Interpretation of Mutually Indelible Historical Relationship and its Multi Faceted Impact // *International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies*. 2015. Vol. 2. No. 7. P. 61–72.
- Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* / ed. by I. Parmar, M. Cox. London; New York: Routledge, 2010. 256 p.
- The Palgrave Dictionary Of Transnational History* / ed. by A. Iriye, P.-Y. Saunier. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 1226 p.
- Transcultural Memory* / ed. by R. Crownshaw. London; New York: Routledge, 2014. 144 p.
- Watanabe Y., McConnell D.L.* Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States. Abingdon, England: Routledge, 2008. 296 p.
- Wüstenberg J.* Introduction. Agency and Practice in the Making of Transnational Memory Spaces // *Agency in Transnational Memory Politics* / ed. by J. Wüstenberg, A. Sierp. New York; London: Berghahn, 2020. P. 3–23.

TRANSNATIONAL MEMORY IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA AS A “RESOURCE OF SOFT POWER”*

DENIS LETNYAKOV

Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, 119602, Russia

Abstract

While the politics of memory has been extensively explored as a domestic policy instrument, its function in shaping foreign affairs remains underexamined. Drawing on Joseph Nye's concept of “soft power,” this article investigates how the politics of memory influences diplomatic and cultural engagements in post-Soviet Central Asia. The region is conceptualized as a contested space in which historical memory serves as a strategic resource for external actors – including Turkey, Iran, India, China, and Russia – seeking to project influence and foster alignment among local populations. These “mnemonic actors” deploy

* The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

narratives of shared cultural and historical legacies, such as the “Turkish world” and the “Legacy of the Silk Road,” to encourage the development of transnational memories that transcend national boundaries. The analysis evaluates each actor’s “mnemonic soft power” by examining the various historical narratives and symbolic initiatives they promote. Turkey emerges as particularly effective, leveraging the notion of the “Turkish world” through collaborative historical textbooks, scholarly conferences, and cultural festivals to solidify a sense of shared identity. China, by contrast, exhibits comparatively limited resources for mobilizing soft power in the region. Meanwhile, Russia – historically the imperial “metropole” – faces significant challenges in forging a common memory that encompasses both the pre-Soviet and Soviet periods. Nonetheless, it relies on the evocative power of World War II as part of the region’s “short-term memory,” although this advantage is likely to erode as generational change reshapes collective memory. The article concludes that memory politics constitutes a pivotal dimension of contemporary geopolitics in Central Asia, with evolving implications for regional alignments.

Keywords:

soft power; historical memory; politics of memory; transnational memory; Central Asia; Turkey; Iran; India; China; Russia

References

- Ahmadi H. (2019). Iran and Tajikistan: How Culture and Civilization Fade in the Shadow of Politics and the Political. *Iran and the Caucasus*. Vol. 23. No. 1. P. 105–119. <https://doi.org/10.11663/1573384X-20190110>
- Alpatov V.M. (2020). Myagkaya sila i yazyk [Soft Power and Language]. In: E. G. Borisova (ed.) *Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz* [Soft power, soft rule. Interdisciplinary analysis]. Moscow: FLINTA. P. 134–139.
- Ankhol't S., Khil'dret D. (2010). *Brend Amerika: mat' vsekh brendov* [Brand America: mother of all brands]. Moscow: Dobraya kniga. 231 p.
- Assmann A. (2022). *Evropeyskaya mechta. Pereizobretenie natsii* [European Dream, Reinventing the Nation]. Moscow: NLO. 507 p.
- Assman A. (2023). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kultura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: NLO. 323 p.
- Bachleitner K. (2021). *Collective Memory in International Relations*. Oxford: Oxford University Press. 176 p.
- Bahareva M.D. (2022). Sovremennaya imagologiya: znachenie i perspektivy razvitiya [Contemporary Imagology: Meaning and Development Prospects]. *Concept: philosophy, religion, culture*. Vol. 6. No. 2. P. 86–101. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101>
- Baronian M.-A. (2014). Archive, Memory, and Loss: Constructing Images in the Armenian Diaspora. In: C. De Cesari, A. Rigney (eds) *Transnational Memory. Circulation, Articulation, Scales*. Berlin; München; Boston: De Gruyter. P. 79–98. <https://doi.org/10.1515/9783110359107.79>
- Beller M., Leerssen J. (eds.) (2007). *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey*. Leiden: Brill. 476 p.
- Brubaker R. (1995). National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe. *Daedalus*. Vol. 124. No. 2. P. 107–132.
- Clark B. (2015). Ahmadinejad, Iran, and Foreign Policy Dysfunction in Tajikistan. *Asian Politics & Policy*. Vol. 7. No. 2. P. 213–244. <https://doi.org/10.1111/aspp.12180>
- Crownshaw R. (ed.) (2014). *Transcultural Memory*. London; New York: Routledge. 144 p.
- Davydov Yu.P. (2007). “Zhestkaya” i “myagkaya” sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [“Hard” and “Soft” Power in international relations]. *USA&Canada: economy, politics, culture*. No. 1(445). P. 3–24.
- Glajar V., Teodorescu J. (eds) (2011). *Local History, Transnational Memory in the Romanian Holocaust*. New York: Palgrave Macmillan. 275 p.
- Gorak S. (2005). Mify Velikogo Turkmenbashi [Great Türkmenbaşy's Myths]. *Vestnik Evrazii*. No. 2. P. 105–132.
- Hong Y. (2021). The power of Bollywood: A study on opportunities, challenges, and audiences' perceptions of Indian cinema in China. *Global Media and China*. Vol. 6. No. 3. P. 345–363. <https://doi.org/10.1177/20594364211022605>
- Ilgén Th.L. (ed.) (2006). *Hard Power, Soft Power and the Future of Transatlantic Relations*. London; New York: Routledge. 222 p.
- Iriye A., Saunier P.-Y. (eds.) (2009). *The Palgrave Dictionary Of Transnational History*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 1226 p.

- Jacquesson S. (2020). Claiming heritage: the Manas epic between China and Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. Vol. 39. No. 3. P. 324–339. <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1765739>
- Joshi N. (2010). Introduction. In: N. Joshi (ed.) (2010). *Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions*. Singapore. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. P. 21–27.
- Kaukenova T.V. (2018). Kul'turno-gumanitarnaya sostavlyayuschaya initsiativa "Odin pojas i odin put'": znachenie i tekushee sostoyanie [Cultural and humanitarian component of the "One Belt and One Road" initiative: significance and current state]. *Initsiativa "Odin pojas i odin put'": sostoyanie i perspektivy. Sbornik materialov nauchnoy konferentsii Almaty, 19 sentyabrya* [The "One Belt and One Road" initiative: status and prospects. Collection of materials of the scientific conference Almaty, September 19]. Almaty: DKU. P. 136–144.
- Kazantsev A.A., Merkushev N.N. (2008). Rossiya i postsovetское prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya "myagkoy sily" [Russia and the post-Soviet space: prospects for using "soft power"]. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 122–135.
- Klymenko L., Siddi M. (2020). Exploring the link between historical memory and foreign policy: an introduction. *International Politics*. Vol. 57. No. 6. P. 945–953. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00269-x>
- Kosmarskiy A. (2003). Smysly latinizatsii v Uzbekistane (konets XX – nachalo XXI vv.) [Meanings of Latinization in Uzbekistan (late 20th – early 21st centuries)]. *Acta Eurasica*. Vol. 20. No. 3. P. 62–79.
- Koureas G., Prosser J., Wilson C., Hakim-Dowek L. (2019). Ottoman Transcultural Memories: Introduction. *Memory Studies*. Vol. 12. No. 5. P. 483–492. <https://doi.org/10.1177/1750698019870687>
- Krivokhizh S.V., Soboleva E.D. (2023). KNR i bor'ba za diskursivnuyu gegemoniyu: rol' strategicheskikh narrativov [Strategic Narratives in China's Bid for Discursive Hegemony]. *International Organizations Research Journal*. Vol. 18. No. 2. P. 178–192. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-02-09
- Lan'shina T.A. (2014). "Myagkaya sila" Germanii: kultura, obrazovanie, nauka [German "soft power": culture, education, science]. *International Organizations Research Journal*. Vol. 9. No. 2. P. 28–58.
- Lebedeva M.M. (2017). "Myagkaya sila": ponyatie i podkhody [Soft power: concept and approaches]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 3(54). P. 212–213. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
- Levi D., Sznajder N. (2006). *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia: Temple University Press. 240 p.
- Nye J.S.Jr. (1990). *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books. 336 p.
- Nye J.S.Jr. (2006). *Gibkaja vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoy politike* [Soft power: The means to success in World Politics]. Novosibirsk; Moscow: Trendy. 221 p.
- Nye J.S.Jr. (2011). *The future of power*. New York: Public Affairs. 320 p.
- Ohnesorge H. W., Owen J. M. (2023). Mnemonic Soft Power: The Role of Memory in China's Quest for Global Power. *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol. 52. No. 2. P. 287–310. DOI: 10.1177/18681026231193035
- Otmazgin N.K. (2012). Geopolitics and soft power: Japan's cultural policy and cultural diplomacy in Asia. *Asia-Pacific Review*. Vol. 19. No. 1. P. 37–61. <https://doi.org/10.1080/13439006.2012.678629>
- Ozkan B.I., Boylu Y. (2021). A Study on the Use of Tourism as a Soft Power Instrument in International Relations. *Journal of Tourismology*. Vol. 7. No. 1. P. 73–99. DOI :10.26650/jot.2021.7.1.0004
- Parmar I., Cox M. (eds) (2010). *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London; New York: Routledge. 256 p.
- Pavlovskiy A.F. (2023). V poiskakh global'noy pamyati: kuda vedet transnatsional'nyy povorot v Memory Studies? [In search of global memory: where does the transnational turn in Memory Studies lead?]. *Politea*. No. 2 (109). P. 166–194. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-166-194
- Ponamareva A.M. (2023). Mnemonicheskaya diplomatiya v rossiysko-serbskikh otnosheniyakh: predely vozmozhnogo [Mnemonic diplomacy in Russian-Serbian relations: the limits of the possible]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 93–132. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132>
- Roberts G. (2006). History, Theory and the Narrative Turn in IR. *Review of International Studies*. Vol. 32. No. 4. P. 703–714. <https://doi.org/10.1017/S0260210506007248>
- Ryan R. (2014). Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*. Vol. 50. No. 4. P. 501–514. <https://doi.org/10.1177/1440783312467097>
- Simons J. (2017). The Soft Power of Elephants. In: N. Chitty, L. Ji, G. D. Rawnsley, C. Hayden (eds). *The Routledge Handbook of Soft Power*. London; NY: Routledge. P. 177–184. <https://doi.org/10.4324/9781315671185>

- Singh A.K. (2015). India and Central Asia: An Interpretation of Mutually Indelible Historical Relationship and its Multi Faceted Impact. *International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies*. Vol. 2. No. 7. P. 61–72.
- Sutyryn V.V. (2020). Za predelami "myagkoy sily": gumanitarnoye vliyanie i sotrudnichestvo vo vneshney politike [Beyond Soft Power: Humanitarian Influence and Foreign Policy Cooperation]. *The International Affairs*. No. 9. P. 44–57.
- Uostindzh Eh. (2014). Vneshnyaya kul'turnaya politika Irana v Tsentral'noy Azii: demonstraciya politicheskogo pragmatizma [Iran's foreign cultural policy in Central Asia: a demonstration of political pragmatism]. *Central Asia and the Caucasus Journal*. Vol. 17. No. 4. P. 131–144.
- Watanabe Y., McConnell D.L. (2008). *Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States*. Abingdon, England: Routledge. 296 p.
- Wüstenberg J. (2020). Introduction. Agency and Practice in the Making of Transnational Memory Spaces. In: J. Wüstenberg, A. Sierp (eds) *Agency in Transnational Memory Politics*. New York; London: Berghahn. P. 3–23.